

НАШ МХАТ

ЧТО Я ДУМАЮ о МХАТе, о Станиславском и его системе, о советском театре? Право, я не знаю, с чего начать и что в первую очередь отметить. Ну как, например, определить словами, что ты думаешь о воздухе, которым дышишь, или о выросшившем тебя отце. Я не преувеличиваю. МХАТ с его великим лиризмом, высоким служением искусству был для нас живительным воздухом. Станиславский с его учением, гуманизмом и правдой стал отцом современного театра. Разве можно об этом рассказать в двух словах?

Наверное, надо все-таки начать с того, как я впервые узнал о МХАТе, услышал о Станиславском. Случилось это тридцать пять лет назад, когда я был еще учеником театральной школы. Я узнал тогда то, что определило всю мою дальнейшую жизнь, взгляд на искусство и в первую очередь на театр. Но дело, разумеется, не во мне. Вместе со Станиславским в театр пришла жизнь со всеми ее сложностями. Он стал своего рода апостолом реализма. Знаменитый, затянувшийся на всю ночь разговор Станиславского с Немировичем-Данченко в 1897 году имел самые важные последствия для мирового театра. Эта ночь родила не только МХАТ, но и новый театр вообще. Сейчас трудно даже себе представить, что было бы со сценой без Станиславского, как, например, шли бы без его системы пьесы Чехова.

Нам не забыть тот весенний, майский день 1958 года, когда мы встречали в аэропорту соратников К. Станиславского, продолжателей его дела, его наследников. Так странно было думать, что МХАТ может поместиться в одном самолете, даже таком просторном, как ТУ-104. Мы стояли на ветру, мерзли, переминались с ноги на ногу и... не верили, что скоро будем с МХАТом, что наконец-то он покажет на родине Шекспира все то, чего достиг.

И вот самолет понесся на нас и остановился. Толпа энтузиастов, возглавляемая Полем Скоффилдом, прорвала полицейский барьер и устремилась навстречу МХАТу. Именно тогда с нашей славной Дайаной Вайньярд приключилось что-то непонятное. Она, знающая наизубок десятки пьес, забыла от волнения короткую приветственную речь на русском языке, которую всю ночь репетировала. Мы были в панике, она в ужасе. Потом мы с мхатовцами дружно смеялись, вспоминая этот день. Тогда же нам было не до смеха. Наступила пора счастливых дней и еще более счастливых вечеров. «Вишневый сад», «Три сестры»... Тарасова, Грибов, Станицын, Белокуров, Массальский, еще десятки блистательных актеров — мы впервые видели такой ансамбль и наслаждались настоящим, большим искусством. Мы учились. Завидовали. Радовались. В 1964 году мхатовцы к нам приехали еще раз. Мы встретились уже как друзья. Этот театр стал частью нас самих, мы полюбили друг друга. МХАТ вдохнул в нас радость жизни, широту, неистощимый юмор. Он заставлял верить не только в жизненность искусства, но и в его бесконечное обновление, в его бессмертие. Мы очень скучаем по МХАТу и с нетерпением ждем новых встреч.

ПИТЕР ДОБНИ,

директор Королевского театра.

ЛОНДОН. (По телефону).

Известия, Москва, 1968, 27 сен.